

— Кхе-кхе-кхе...

Учащённый кашель едва не душил Е Фаньсиня, крупные, размером с горошину капли пота скатывались по его бледному, исхудавшему лицу, а старая деревянная кровать под ним жалобно скрипела.

Е Фаньсин с трудом открыл глаза, и чужие воспоминания хлынули в его сознание. Мозг словно кто-то яростно расковырял изнутри, накатила жуткая боль, и весь мир закружился.

Он был вынужден снова рухнуть на эту хлипкую постель, которая, казалось, развалится от малейшего усилия, и, закрыв глаза, попытался собрать силы, словно просматривая обрывки чужих воспоминаний, проплывавших в голове словно в кино.

Сквозь дырявую крышу пробивался слабый лучик света. Е Фаньсин медленно открыл глаза, и всё вокруг повергло его в полное оцепенение.

Е Фаньсин ошеломлённо хлопал глазами. Разве не его во время сбора целебных трав столкнул со скалы завистливый соученик? Как же вышло, что, стоило ему открыть глаза, он оказался здесь?

Глядя на эту хижину, на собственную одежду и опираясь на чужие воспоминания в голове, он понял: его вовсе не спасли, он угодил в другой мир!

Хлоп-хлоп-хлоп!

Громкий удар донёсся снаружи, сопровождаемый знакомым грубым голосом и отвратительными ругательствами, от которых Е Фаньсин весь задрожал.

— Сун Хаомин, ты, тысячу раз проклятый калека! Мой мальчик три года следовал за тобой, мало того что родил тебе наследника, так еще с раннего утра и до поздней ночи пахал по хозяйству, а ты всё не нажрёшься?

— Глянь на свои культяпки! До каких пор ты собираешься тянуть его на дно?

— Хм, подумать только, все эти грамотеи — одна малина, только и знают, что людей живьем пожирать.

— Заруби себе на носу: сегодня мой Син-гэр больше не станет с тобой жить, сегодня же выложишь мне бумагу о разводе!

Широкоплечая, плотная баба уперла руки в бока, другой рукой тыкала в сидевшего на табурете молодого мужчину и, сверкая злыми треугольными глазами, истошно орала на всю

округу. Голова Е Фаньсина внезапно зашумела, и в ушах зазвенело.

Это... это голос Сюй Инди.

Даже он, услышав его, невольно вздрогнул от холода.

Погодите! Сюй Инди? Е Фаньсин, а еще Сун Хаомин!

Только теперь Е Фаньсин осознал, что он переродился в книге под названием «Гэр должен сам добиваться успеха», причем уго уготовили роль второстепенного персонажа, которому суждено умереть раньше времени!

В реальном мире бывают те, кто тащит на себе младших братьев, а в книгах — те, кто тащит на себе всю семью. И он — как раз тот самый безумец, тянущий всех родственников на своем горбу!

Е Фаньсин из романа с самого детства подвергался промыванию мозгов со стороны собственных родителей. Что бы они ни говорили — всё принимал за чистую чистую правду. Даже выйдя замуж, он помнил их наставления: все вокруг чужие, и даже собственные дети не сравнятся с теми, кого родила твоя мать.

А позже Сун Хаомин случайно сломал обе ноги. Все деньги к тому моменту Е Фаньсин уже отдал семье Е, из-за чего на лечение средств не хватило, и муж остался калекой.

Семья Е была насквозь меркантильной. Поняв, что от Сун Хаомина больше нечего взять, они подстрекнули Е Фаньсина развестись с ним. Е Фаньсин, к своему ужасу, поверил им и в итоге превратился в презренного в деревне негодяя, бросившего мужа и ребенка.

Под предлогом того, что дурная слава этого горе-супруга испортит брачные дела незамужних домочадцев, не прошло и полмесяца, как Сюй Инди под предлогом визита к родственникам увезла его из деревни, а затем передала в руки торговцев людьми, притворившихся родней. С того дня его жизнь превратилась в сущий ад, длившийся до самой смерти.

Сюй Инди... Семья Е...

Я, Е Фаньсин, никому больше не позволю обращаться со мной как с овцей на заклание, как это было с прежним владельцем тела в романе!

Брань Сюй Инди донеслась до его ушей, Е Фаньсин пришел в себя, мгновенно распахнул дверь, схватил первое попавшееся под руку большое метло и изо всех сил обрушил его на Сюй Инди, заставив ту завопить от дикой боли.

— Ах ты, проклятая тварь, бесстыжая девка, вылупи свои собачьи глаза, я же твоя мать!

— Еще и смеешь меня бить, ты что, с ума сошла?!

— А даже если и сошел, что с того?!

Во дворе разнеслись пронзительные крики Сюй Инди. Е Фаньсин вспомнил события из жизни первоначального владельца тела, о котором повествовала книга, и бесконечный поток проклятий, звучавших в ушах. Эта злобная баба доводила его до такого бешенства, что ему хотелось прикончить её прямо сейчас. По сравнению со страданиями, выпавшими на долю прежнего хозяина этого тела, та боль, что испытывала эта старая фурия, не стоила и гроша.

Сюй Инди сама навлекла на себя эту беду!

— Маленький ублюдок, а ну прекрати! Кто дал тебе смелость поднимать руку на мать?

— Это тебя тот калека подговорил?

— Бесстыдный ублюдок, ради какого-то мужика посмел избить собственную мать, совсем потерял совесть!

— Всё ещё бьёшь! погоди у меня! Я непременно заявлю на тебя в управу! Заставлю судью приговорить тебя за неповиновение и сыновнюю неблагодарность!

Сюй Инди, исказив лицо от дикой ярости, с визгом носилась по двору, хватаясь за голову.

Сун Хаомин с изумлением наблюдал за происходящим. Е Фаньсин, который до этого всегда беспрекословно подчинялся семье Е, вдруг повёл себя настолько странно — что это ещё за фокусы?

Выбившись из сил от погони за матерью, Е Фаньсин оперся на метлу и тяжело задышался. Лицо его было мертвенно-бледным, а угольно-чёрные глаза в упор смотрели на Сюй Инди — в этом взгляде читалось нечто пугающее, словно из могилы только что выбрался злой дух.

— Неблагодарный? — Е Фаньсин склонил голову набок, и из его груди вырвался смешок, напоминавший эхо из девяти кругов ада: — Пожалуй, я сам преподам тебе урок сыновней почтительности.

— Матушка, не переживайте. Когда вы отправитесь на тот свет, я обещаю ни единого праздника не пропускать и исправно жечь вам бумажные деньги.

— Маленький ублюдок, что ты такое мелешь?

— Ты что, смерти нашей желаешь?!

Сюй Инди свирепо зыркнула на Е Фаньсин. Лицо её было сплошь покрыто буро-грязной пылью, на обнажённых руках красовались царапины от метлы, а жировые складки на теле подёргивались от злости — вид у неё был поистине свирепый.

Е Фаньсин поднял взгляд на Сюй Инди. Выражение его глаз казалось слегка отстранённым, но в этой пустоте крылись невыразимые эмоции.

— Ха-ха! И то верно, как говорится: пораньше помрёшь — пораньше переродишься. Я не просто желаю вам смерти, я хочу, чтобы вы никогда не переродились!

С этими словами Е Фаньсин поднялся на ноги, схватил метлу и снова замахнулся на мать: — А ну проваливай отсюда!

Сюй Инди испуганно отпрянула назад, уворачиваясь от удара, и поковычала к выходу.

Пронзительный взгляд Е Фаньсина пробрал мать до мурашек: — Маленький ублюдок, погоди, вот вернется твой отец — он с тобой ещё поквитается.

— Ха-ха-ха.

— Чего ты ржёшь?

Глядя на остолбеневшую Сюй Инди, Е Фаньсин смеялся до тех пор, пока на глазах не выступили слёзы: — А что, нельзя посмеяться? Матушка, раз уж вы называете меня хуже зверя, то кто же тогда вы сами? И какого мнения вы были об отце?

Раз уж мать зверя — сама зверь, то вы оба, должно быть, старые звери!

Сюй Инди от такой наглости лишилась дара речи. Её лицо побагровело, она долго тыкала пальцем в Е Фаньсина, силясь что-то сказать, но слова застревали в горле.

Не желая больше смотреть на её противную физиономию, Е Фаньсин с метлой в руках шаг за шагом двинулся на неё, и каждый его шаг отдавался тяжёлым ударом в сердце Сюй Инди.

Та запаниковала и, пятясь назад, злобно прошипела: — Маленький... кхм, это ещё не конец. Посмотрим, посмеешь ли ты вести себя так дерзко перед отцом.

Сюй Инди со зловещим выражением лица окинула взглядом своё разодранное метлой шёлковое платье, переполненная жгучей ненавистью.

Паршивец, погоди, вот тот человек заберёт тебя — хлебнешь ты ещё горюшка.

Е Фаньсин растерянно смотрел вслед удирающей Сюй Инди. За воротами лёгкий весенний ветерок колыхал верхушки деревьев; несколько сельчан сидели под раскидистым деревом за болтовней, а проходящие мимо женщины то и дело косились на их двор с праздным любопытством.

Слегка нахмурившись, он захлопнул калитку, отрезая себя от посторонних глаз.

Стоило ему повернуться, как перед ним предстали две фигуры — большая и совсем маленькая. Его муж и сын.

Муж?!

А-а-а! Он совсем забыл! Книга, в которую он попал, — это роман в жанре даймэй с возможностью рождения детей у мужчин! Бросив взгляд на малыша с двумя забавными хвостиками на голове, Е Фаньсин машинально опустил глаза и посмотрел на собственный живот.